

Тени прошлого.

(К 130-летию юбилею 1 гортеатра).

— Мы мученицы. Ведь барин-то наш хуже пса всякого! Злодей он, ему и в каторге нет места, развратник. Теперь нас у него десять девок; возьмет от отца и матери, станет грамоте учить, чтобы вишь ты, в киятре играть разные штуки а сам из девки-то всю кровь выпьет, а потом замуж отдаст за постылого мужика. Теперь, почитай, и девок-то нет ни одной в деревне, кроме маленьких... Намедни пришла к нему Настасья с женихом, чтобы повенчать попу велел, а он—нельзя, говорит—Настасья хорошенькая, ей надо еще поучиться и в киятру... И мужики-то и дворовые все измучены: и на охоту, и в киятр играть. Аксюшку-то муж в гроб заколотил—ты, говорит, барская наложница.

Этот рассказ крепостной артистки Нижегородского помещика находим мы в «Русской Старине» за 1878 г., в дневнике знаменитой артистки Нижегородского театра Л. П. Нигулиной—Косицкой, которая также вышла из среды крепостных актрис.

Бесхитростными словами крепостная девушка Параша рассказала нам о первых шагах театрального искусства в нашей губернии. Именно из этой, пропитанной слезами и проклятиями атмосферы барщины, берет свое начало Нижегородское театральное зрелище.

Таким-то баряном ревнителем изящных искусств, в Н.-Новгороде и явился великий князь Шаховской.

По справке историка значится:

«... полковник князь Николай Григ. Шаховский, помещик Нижегородской губернии, зиму живший в Москве, лето—в

своем селе Юсупове (Ардатовского уезда), имел, как и все более или менее значительные помещики, огромную дворню—человек более четырехсот, в том числе—музыкантов, певцов, певиц, актеров и актрис, которые цели и играли на его домовых театрах».

Труппа Шаховского разрослась до ста человек:

Театр дворянской усадьбы для нее стал мал.

Качественно эта труппа также выросла за пределы помещичьего театра, соперничая с лучшими труппами московских и петербургских театров.

И князь Шаховской в 1798 г. перебрался с театром в Н.-Новгород.

Публика чрезвычайно чутко откликнулась на первые афиши, расклеенные на театре, повалила, что называется, валом, любительские труппы, работавшие в городе, ее уже не удовлетворяли.

Плата была: кресло партера—2 р. 50 к., партер—30 к., парадиз (галерея) 25 к., ассигн. Партер был устроен за самым оркестром, а кресла стояли уже за ним, в глубине зала.

Успех театра был велик, а театр мал, к тому же, построенный кое-как; он быстро приходил в ветхость.

По этому поводу историческая справка говорит:

«... князь Шаховской затруднялся в средствах, но высшая городская публика, любившая театр и уважавшая лично князя за его радушие и хлебосольство, предложило свое пособие. В 1811 г. явилось новое деревянное здание театра, в котором было 27 лож, до 50 кресел, пар-

тер человек на 100 и верхняя галерея или парадиз—человек на 200. Между прочим, были две ложи с решетками, для тех господ, которые хотели быть в театре «инкогнито».

В 1824 году князь умер...

Наследники князя имели пристрастие к совершенно другим вещам: к мундирам, чинам, балам, охотам. Театр их тяготил. На своих крепостных актеров они стали смотреть как на что-то ненужное, лишили труппу многих удобств.

У театра наступили черные дни.

Хозяева театра однажды распорядились:

— Прекратить отапливать театр.

А пьесы ставились, как на грех, все классические... Полуобнаженные греки и гречанки, римлянки—дрожали на сцене от холода и хотя у них зуб на зуб не попадал, но они должны были говорить возвышенные монологи и изображать своей мимикой все оттенки востерженной южной неги.

Однако, даже эта сверх-вдохновенная игра не могла привязать публику к театру, которая, как говорит историк:

«... быв свободна посещать и не посещать театр, не желала дрогнуть вместе с крепостными «Ярбам», «Валдуинами», «Клетемнестрами» и «Зоирами» (название ролей).

В 1827 г. владельцы театра продали его со всем содержанием в нем двум предпринимателям—чиновнику Распутину и купцу Климову, при чем, последние внесли деньги также и за труппу с тем, чтобы актеры и актрисы «с детьми»—всего 96 ч. получили от наследников кня-

зя Шаховского вольность и обязались играть в Нижегородском театре «в пользу их—Распутина и Климова».

Распутин оказался весьма оборотистым мужчиной; чиновничье свое ремесло он забросил и всецело посвятил себя служению Мельпомене (богиня театра у греков).

Касса его заработала очень хорошо.

По этому поводу приведем следующую цитату из одной книги о театре:

«...Антрепренер умел угождать публике, а публика умела поддержать его; в невыгоде были одни актеры княжеской труппы, которые получали очень ограниченное жалованье; так, наприм., годовой оклад главного актера Миная Полякова не превышал 240 р., Вышеславцевой—170 р. ассигнациями. Впрочем, кроме жалования, все актеры и актрисы получали от Распутина на содержание в месяц пуд ржаной муки, двадцать фунтов крупы и деньгами 10 руб. ассигнациями (в год)».

Эксплуатация актеров и актрис кончалась вместе с окончанием срока контракта. С этого момента труппа становилась свободною.

Распутину, как он не кренился, а пришлось раскошелиться. Например, чтобы удержать у себя Вышеславцеву, ему пришлось положить ей жалования 3000 руб. в год и два бенефиса. Другие также потребовали от него настоящей платы.

Все это чрезвычайно не понравилось расчетливому и привыкшему почти целиком вытряхивать кассу к себе в карман—Распутину.

— Ну, теперь, братцы пора мне кончать это дело—объявил он однажды своей группе, и передал все свои предприятие у 1838 году артисту Живокину...

Так закончился «крепостной период» нашего Нижегородского театра.

Гусиное перо.